

ПУБЛІКАЦІЯ ДОКУМЕНТІВ

УДК 008(477.75)"18"(093):929 Маркевич

В. В. Лавров,
кандидат філологічних наук,
Тавричеський національний університет
імені В. І. Вернадського

А. И. МАРКЕВИЧ И ЕГО РАБОТЫ «ИЗ КУЛЬТУРНОГО ПРОШЛОГО КРЫМА XIX СТ.»

К публикации представлены неизвестные ранее статьи ученого-крымоведа А. И. Маркевича, посвященные исследованиям культурного прошлого Крыма, в частности, личности А. Л. Бертъе-Делагарда, чья научная и литературная деятельность стала важной страницей в истории полуострова, и вопросу об открытии в 1918 г. в Симферополе Тавричеського университета. Документы хранятся в фонде А. Е. Крымского в Институте рукописи НБУВ.

Ключевые слова: крымоведение, А. И. Маркевич, А. Л. Бертъе-Делагард, Тавричеський університет, А. Е. Крымський, Інститут рукописи НБУВ.

Арсений Иванович Маркевич (1855–1942) – известный ученый-крымовед конца XIX в. – первой трети XX в., автор свыше 250 разноплановых трудов, связанных с историей и культурой Крыма. В последние десятилетия исследователи вводят в научный оборот ранее неизвестные работы ученого¹, а украинским профессором А. А. Непомнящим

¹ См., например, работы В. Ф. Козлова: Автобиография А. И. Маркевича (1934) / Подг. вступ. ст. В. Ф. Козлова // Археографический ежегодник за 1987 год – М.: Наука, 1988. – С. 312–316; *Он же*. Источники об охране и использовании памятников истории и культуры в Крыму. 1917–1928 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1984; *Он же*. Материалы о руководстве Наркомпроса РСФСР делом охраны исторических памятников Крыма в 1920-х гг. // Советские архивы. – Москва. – 1985. – № 1. – С. 67–71; *Севастьянов А. В.* Десять лет на службе краеведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932). – К.; Симферополь, 2010; *Хливнюк А. В.* Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследование и документы. – Симферополь, 2008; *Филимонов С. Б.* Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Тавричеськой ученой архивной комиссии и Тавричеського общества

подготовлена монография о жизненном и творческом пути А. И. Маркевича¹. В связи с вопросом о сохранности и местонахождении его личного архива, остается открытым вопрос о полноте его творческого наследия. Совсем недавно обнаружены еще две рукописи А. И. Маркевича, отложившиеся в личном фонде академика Украинской академии наук А. Е. Крымского² в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского. На обстоятельства появления их в этом научном учреждении проливает свет письмо А. И. Маркевича А. Е. Крымскому в Киев, датированное 24 декабря 1930 г.:

Симферополь,
Архивная, 28
24/ХІІ 1930

Глубокоуважаемый Агафангел Ефимович!

Узнав из письма Н[атальи] Дм[итриевны] Василенко³, что Вы согласны на передачу в Академию моих работ для помещения их в ее изданиях, решаюсь побеспокоить Вас отсылкой статей на Ваше имя, так как больных Ник[олая] Прок[офьевича]⁴ и Нат[алью] Дм[итриевну] затрудняюсь утруждать. У меня готовы три статейки из серии: «Из культурного прошлого Крыма XIX ст.». Первая посвящена пок[ойному] А. Л. Бертье-Делегарду, работа которого для Крыма, его родины, представляет замечательный эпизод в прошлом ее, а вторая передает историю вопроса об учреждении в Крыму в[ысшего] уч[ебного] заведения. Оба вопроса связаны с Украиной: Бертье-Делегард много поработал в Николаеве

истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). – Симферополь, 2004; *Он же*. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. – Симферополь, 2010.

¹ *Непомятый А. А.* Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. – Симферополь, 2005.

² Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) – филолог, востоковед, академик Украинской академии наук (1918), ее неперемный секретарь до 1928 г. Репрессирован.

³ Полонская-Василенко Наталья Дмитриевна (1884–1973) – историк, археограф, супруга академика Н. П. Василенко. Состояла в переписке с А. И. Маркевичем.

⁴ Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935) – общественный и государственный деятель, историк государства и права, Президент Украинской академии наук (1921–1922), друг и соратник В. И. Вернадского.

и особенно в Одессе, да и мать его была уроженка Украины (Черниг[овской] г[убернии]), а университет в Крыму был открыт при большом участии Киевского ун[иверсите]та и вначале был его филиалом.

Убедительно прошу Вас, Агафангел Ефимович, просмотреть их, и если Вы найдете их нестоящими помещения в «Студіях з Криму», то просто отослать, а если они, с Вашей точки зрения, достойны напечатания, передать в издательство или секретариат Академии на их уважение. Не посылаю туда прямо, боясь, в случае отказа, лишиться своих рукописей, чего не желал бы. Третья статья «Хр. Стевен и П. И. Кеппен как крымские деятели»¹ переписывается, и я вышлю ее, если позволите, Вам в начале будущего месяца. Этим и закончится серия моих статей о прошлом Крыма в XIX ст., т. к. продолжить их не смогу уже. Да и все равно они не скоро были бы изданы.

Очень рад, что Вы здоровствуете и бодры. Позвольте пожелать Вам всего доброго в наступающем году.

Искренне и глубоко уважающий Вас А. Маркевич

P. S. Посылаю эти статьи в Киев с тою целью, чтобы они, если достойны будут, помещены были в одних изданиях с вышедшими уже. Из всех их культурное прошлое Крыма выясняется полнее и яснее.

ИР НБУВ, ф. I, №. 22440, л. 1–1 об. Рукопись.

Поводом для обращения А. И. Маркевича к А. Е. Крымскому послужили только что вышедшие в Киеве «Студії з Криму», где были напечатаны и работы А. И. Маркевича². Идея издания такого специального научного сборника принадлежала самому А. Е. Крымскому, совершившему в течение трех лет (1926–1928) ряд научных поездок по Крыму. В одной из этих поездок и состоялось личное знакомство А. Е. Крымского и А. И. Маркевича. Последний передал несколько своих работ по истории культуры Крыма, позднее вошедших в упомянутый сборник. Получив на руки только что отпечатанные «Студії з Криму» со своими статьями, А. И. Маркевич вновь обратился к А. Е. Крымскому с просьбой о публикации уже новых своих работ. К сожалению, «Студії з Кри-

¹ Судьба этой статьи неизвестна.

² См.: Збірник історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук – Київ, 1930. – № 89. Філологічна катедра під керуванням А. Є. Крымського, Тюркологічна комісія. № 2: Студії з Криму, I–IX.

му» больше не выходили. Связано это было с тем, что А. Е. Крымский к этому времени был изгнан со всех академических постов и чуть позже был объявлен одним из «идеологов украинского национализма»¹. Вполне понятно, что он не мог исполнить просьбу А. И. Маркевича, а отправленные им рукописи в Киев так и остались неопубликованными.

Воспроизводимые рукописи А. И. Маркевича печатаются по оригиналу: ИР НБУВ, ф. I, № 22441, 22442. Тексты приводятся в соответствии с авторским написанием. Примечания составителя помещены в конце статей, связаны с текстом цифровым порядковым номером и имеют сквозную нумерацию. Авторские подстрочные примечания перенесены в примечания, обозначены порядковым номером, выделенным курсивом. Здесь же дается расширенная информация об их источнике, выделенная прямыми скобками. Сокращенные в оригинале слова даются в развернутой форме с заключением дополнительных частей слов в прямые скобки.

**АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД
КАК ЧЕЛОВЕК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОШЛОГО
КРЫМА (ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ И ПИСЬМАМ) [1].**

Александр Львович Бертъе-Делагард был настолько замечательной личностью, духовный облик его был так многогранен, что и самые небольшие штрихи, касающиеся его личности, жизни, деятельности и внутренних переживаний, могут представить значительный интерес.

Пишущему эти строки выпало утешение в течение тридцати лет быть в общении с Александром Львовичем, а в последние десять лет его жизни наше знакомство перешло в более тесные отношения, и я, хорошо узнав его, позволяю себе сказать о нем несколько слов, причем воспользуюсь присланным им мне в 1919 г. «автобиографическими справками» [2] и в небольшой мере его письмами ко мне, в которых в последние годы жизни он положительно изливал свою душу. Попутно я буду касаться его научно-литературной деятельности, но вкратце и вскользь, так как она хорошо известна. Начну с его автобиографии.

¹ Более подробно см.: *Л. В. Матеева. З біографії А. Кримського (1918–1941 рр.) // Нариси з історії Всеукраїнської академії наук. – К.: СтилоС, 2003. – С. 173–192.*

В числе французов-эмигрантов, оставивших родину во время великой революции [3], был штабс-капитан королевской армии Иван Александр Генрих Бертье-Делагард [4], бежавший в 1793 г. в Нидерланды, а в 1795 г. очутившийся в России, в Митаве [5], где он был гувернером детей предводителя дворянства барона Шеппинга [6]. В 1796 г. он поступил на русскую службу – секунд-майором в артиллерию, участвовал в походе на Дунай в 1806 г. В 1807 г. служил в Киеве, а в 1809 г. переведен в Севастополь, и здесь прошла вся его дальнейшая служба, до начальника артиллерии включительно. Русское подданство он принял в 1829 г., а умер в 1840 г. Женился он поздно, лет 45, на молоденькой девице из польской семьи Латошинских, где-то в юго-западной России. У них было три сына и две дочери, и вся семья, все хозяйство держались исключительно матерью, и, удивительным образом, жизнь семьи сложилась в совершенно русском духе. Отец и мать были католики, а дети от рождения православные, и говорили только по-русски. Глава семейства решительно ни во что не вмешивался, не выносил некоторых русских блюд, напр[имер], каши, и до конца жизни по-русски изъяснялся плохо [7]. Вблизи Севастополя, в глубине Дикой балки [8], он приобрел клочок земли, где жил до конца дней, безуспешно выводя культуры родного Прованса. С большим почтением отозвался о нем англичанин – путешественник Александер [9]. Этот культурный уголок жестоко пострадал в Крымскую войну. Французские траншеи начинались как раз с этой дачи, покинутой владельцами. Сад был уничтожен без остатка. Сохранилось и передано детям только фамильное имя старого эмигранта – Bertier de la Garde.

Сыновья его несли военную службу, старший в армии на Кавказе, средний и младший во флоте в Севастополе. Средний – Лев был женат на Вере Ивановне Колодеевой, случайно попавшей из Черниговской губ[ернии] в Севастополь к брату [10]. У них родились дети – сын Александр (род. 26 окт[ября] 1842 г.) и дочь Софья. Дети рано лишились матери, росли под крылом бабушки и первоначальное образование получили у гувернантки. У сына начиналось пристрастие к морю, он плавал с отцом на командующих им судах, и совершенно неожиданно, благодаря открывшейся вакансии в 1853 г., 11-ти лет, был определен в Брест-Литовский кадетский корпус. В следующем году, с началом войны, Брест-Литовский корпус был переведен в Москву, и здесь Александр Львович обучался пять лет, изредка бывая в знакомых семьях, и только в 1858 г. увидел свою семью в Сева-

стополе. Как хороший воспитанник, он был переведен в Константиновское военное училище, окончил его в 1860 г. по первому разряду и выпущен поручиком в Виленский пехотный полк, но тут же поступил в инженерную академию, которую окончил в 1864 г. тоже по первому разряду и был назначен на службу на юг России. По случайной неосторожности товарища при академических работах Александр Львович лишился правого глаза, но к счастью, без вреда уцелевшего левого, и «всю свою долгую жизнь в самых усиленных занятиях за книгой; но этот случай повел его к хмурому и нелюдному одиночеству» [11].

Попав на службу на юг, Александр Львович служил несколько лет в Херсоне, работал, как инженер, в земстве. Интересовался он и историческим прошлым края, особенно, познакомившись с проф[ессором] Н. Н. Мурзакевичем [12], и, увлекаемый им, в 1873 г. своими руками разобрал, очистил и привел в порядок заброшенную могилу Потемкина и переложил его кости. Это было начальной точкой увлечения его вопросами истории и археологии.

В 1874 г. Александр Львович перевелся на службу в родной Севастополь, участвовал в войне с Турцией, постройках береговых батарей и командировками на Дунай. По окончании войны он усиленно работал в виду открытия торгового порта в Севастополе, строил здесь по своим проектам первый водопровод, планировал возродившийся город, «одел его гранитными мостовыми, указав материал»; «его же проектами и руководством устраивались военные и большой приморский бульвары». Вскоре затем Александр Львович принял большое и близкое участие в возобновлении Черноморского флота: в строении многих частей судостроительного Адмиралтейства, корабельных стапелей и т. д. [13]

«Родная Таврида невольно влекла Александра Львовича к археологическим исследованиям, а Одесское общество истории и древностей прочно поставило его на этот путь, избрав его своим членом» [14]. Усиленные, тяжелые, сложные и крайне ответственные работы по крепости, переживавшиеся в виду осложнений с Англией, а также работы по судостроению и городскому хозяйству расстроили здоровье Александра Львовича, и это вынудило его несмотря на самое успешное служебное, общественное и материальное положение, выйти по болезни в отставку и отдаться более спокойной деятельности. Благодаря высокой инженерной репутации, он был приглашен заведовать большими и сложными

работами по укреплению нескольких черноморских портов – Одесского, Ялтинского, Феодосийского и Ростовского, в которых он был главным деятелем [15]. Но среди этих важных работ, дававших ему средства к жизни, оставалось у него время и для занятий археологией, нумизматикой, историей, вопросы которых все более и более сосредотачивали на себе его внимание. Он принял самое близкое усердное участие в делах захиревшего тогда Одесского общества истории и древностей, старался поднять его как в научной работе, так и переустройстве его музея, жертвуя для него разнообразные предметы – монеты, картины и др., что поставило этот музей в ряд европейски известных учреждений этого рода [16]. Около этого ж времени болезнь его родственников вынудила его перебраться на жительство в Ялту, где он построил себе дачу, развел на диком пустыре сад и собрал обширную библиотеку, с собранием карт, гравюр и др., касающихся Тавриды. Тут же он сосредоточил свои коллекции, собиравшиеся в течение многих лет, разных старинных крымских вещей, преимущественно татарских. «Все эти собрания предназначались стать народным достоянием». На Ялтинской даче была написана Александром Львовичем большая часть научных статей по разным вопросам истории, нумизматики и общественной жизни, за которые он был избран в члены многих ученых обществ и вице-президентом Одесского общества истории и древностей [17].

(Японская война вызвала прекращение инженерной деятельности Александра Львовича и большие сокращения его средств, а империалистическая война еще тяжелее отразилась на его достоянии, вызвала гибель его любимых собраний. Потеря надежд, потеря средств существования, в связи с полным упадком здоровья сделали его старость крайне тяжелой) [18].

Счастливые наследственные свойства отразились в высшей степени благоприятно как на физической, так и на духовной природе Александра Львовича Бертъе-Делагарда и, гармонически развиваясь благодаря хорошему воспитанию и школьному образованию, дополненному трудом в течение жизни, выразились, с одной стороны, в его физическом здоровье, а, с другой, в его душевных силах, большом уме, необычайной энергии и трудоспособности, благородстве и изяществе души, сердечной доброте и отзывчивости, преданности долгу и беззаветной любви к родине. К нему в самой высокой степени подходили эпитеты: *kalis kai'ljados*.

Человек высокого образования, Александр Львович не был узким специалистом в какой-либо одной области знания. Выдающийся инженер, приобретший известность своими строительными сооружениями, он был и замечательным археологом и нумизматом, и отличным ботаником и садоводом. Так же разнообразна была его общественная деятельность. Он был и ревностным городским деятелем в Севастополе и Ялте, и живым земским работником, и усердным почетным мировым судьей, и деятельным членом разных просветительных обществ [19]. Но с мыслью об А. Л. Бертье-Делагарде, главным образом и совершенно справедливо, соединяется представление о нем, как о выдающемся знатоке истории и давностей Тавриды, которая была его родиной и которую он горячо любил. И едва ли кто-нибудь из сынов ее сделал для нее больше, чем сделал он.

Со времени перехода своего на службу в Севастополь, совпавшего с началом археологических исследований Одесского общества истории и давностей в Херсонесе [20], Александр Львович, заинтересованный этими раскопками, часто посещал их, наблюдал и изучал. Постепенно он увлекся историей и давностями Тавриды, изучением относящейся сюда литературы и составлением собственной библиотеки, особенно сочинений, касающихся Крыма, давних и средневековых карт, гравюр, а равно монет и других предметов, из которых составились у него большие коллекции. С выходом же в отставку и переездом на жительство в Ялту началась и учено-литературная деятельность Бертье-Делагарда, выразившаяся в ряде исследований и статей [21].

В изучении и исследовании памятников давности Крыма ему помогло превосходное знание строительного искусства и военно-инженерного дела, и благодаря этому ему удалось пролить новый свет на многие вопросы, которые, казалось, были уже решены. С другой стороны, строительные инженерные работы приучили его к особенной точности и осторожности в соображениях и выводах, доходившей иногда до педантизма, но зато и результаты его исследований полны всегда ясности, определенности. «Все, что мною писано, досталось мне с огромным трудом – постоянных справок и чтения всей доступной литературы по каждому вопросу. Всякая строчка есть вывод из десятка заметок и записей» (письмо от 16 ноября 1915 г). Это были его «правила».

Неустанная кабинетная работа изо дня в день, разнообразившаяся и прерывавшаяся общественными интересами, придавала жизни

и деятельности Бертье-Делагарда кипучий характер, делала его известным и популярным человеком в Крыму, в Одессе и т. д. Но его удивительная скромность ограничивала и ослабляла распространение и трудов его и известности за пределами юга России и тесных групп специалистов в этой или другой отрасли знания. Можно с уверенностью сказать, что значение научных трудов его выяснится в будущем гораздо больше, чем это было при его жизни. Вообще на всех его работах лежал какой-то злой рок забвения их автора. В Ялте никто не интересовался его замечательным садом с редкими акклиматизированными им растениями, а в настоящее время он почти совершенно погиб [22]. В Севастополе, Феодосии, Ялте, Одессе редко кто знает, что обширные сооружения в этих городах – доки, молы, мостовые, парки, водопровод и т. д. – его работы. Никто не знает о его проектах проведения в Крыму шоссейных и железных дорог, хотя знают имена Баталина, Чаева и др. Мало оценены или вовсе не оценены его труды по нумизматике и др. Ко всему этому Александр Львович относился со стоическим спокойствием. «Ну, что ж, – говорил он, – ведь я из чужого прихода».

Необычайно скромный в личной жизни, до аскетизма преданный науке, Александр Львович выше всего ставил долг служения родине и самоотверженно служил науке и отечеству до последних дней своей жизни. К сожалению, ему не пришлось осуществить благую мысль – передать родине все свои богатые коллекции, и только важнейший отдел его библиотеки «Таугіса», находящийся в Центральном музее Тавриды в Симферополе [23], и значительное собрание книг по естествознанию и техническим наукам, находящееся в библиотеке Никитского ботанического сада, будут всегда напоминать о нем, как о его даре родине. Коллекции свои он берег, как зеницу ока, и необходимость расстаться с ними была истинной трагедией конца его жизни.

Вскоре после открытия Таврической ученой архивной комиссии [24], учреждение которой вызвало полное сочувствие Александра Львовича, он предложил для помещения в ее «Известиях» свою статью «Остатки давних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма». К сожалению, ввиду большого количества чертежей и рисунков к этой статье, с одной стороны, и материальных затруднений Комиссии, с другой, статья эта не была принята Комиссией и была напечатана в «Записках Одесского общества истории и древностей» [25]. Таким

образом, Комиссия лишилась ценнейшей работы Александра Львовича, а вместе с тем и возможности стараний и забот в последующее время о ее продолжении. А Александр Львович затянул это дело, откладывая его с года на год, и громадный подготовительный материал, связанный с этой темой и состоявший в массе чертежей и рисунков, погиб для науки, что в последние годы его жизни, как увидим, очень мучило его.

В этой статье Александр Львович первый правильно подошел к интереснейшим памятникам давности в Крыму – пещерным городам Крыма и для выяснения вопроса о времени их происхождения тщательно рассмотрел технику их сооружения и, таким образом, поставил этот вопрос строго методическим разбором всех относящихся к нему данных на правильный путь. Но работа ограничилась одними только ближайшими окрестностями Севастополя – Гераклеийским полуостровом с его давними сооружениями и пещерными поселениями на Черной речке, начиная с Инкермана. Надо заметить, что в этой статье Александр Львович отверг существование рва и стены от Инкермана до Балаклавы, на которые указывали некоторые писатели, говорившие о Херсонесе, а также настойчиво утверждал правильность слов Страбона о существовании Старого Херсонеса (по мнению А[лександра] Л[ьвовича] близ Казачьей бухты и Херсонесского маяка) и последующем переселении жителей на место нынешнего Херсонеса.

Вскоре, затем в 1889 г. А. Л. Бертъе-Делагард прислал для «Известий» ТУАК перевод статьи Бларамберга «О положении трех Таврических крепостей, упоминаемых Страбоном», очень важной в истории вопроса о скифской крепости Неаполе, приурочиваемой к Симферополю [26].

Научно-литературная деятельность его, несмотря на важные строительные работы, развивалась, и в 1893 г. было напечатано его исследование «Раскопки Херсонеса», связанное с производством раскопок в Херсонесе Археологической комиссией [27]. В этом ценном исследовании дано им много нового и оригинального во взглядах на культурное состояние Херсонеса в античную эпоху и в средневековье, на характер и качество его строительства, на состояние его развалин во время присоединения Крыма к России. В этой работе Бертъе-Делагард, отстаивая свои мысли о Старом и Новом Херсонесе, блестяще подтвердившиеся в настоящее время открытием профессором К. Э. Гриневичем развалин подводного города у Херсонесского маяка [28]. Из других его работ этого

времени следует указать на ценную статью его «Надпись императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса» и научно-популярную брошюру «Керменчик» (Крымская глушь)», в которой в увлекательной форме изображены остатки подводного средневековья в Крыму и их значение [29].

По мере развития деятельности Таврической ученой архивной комиссии усиливались и связи ее с Александром Львовичем, выражаясь, между прочим, в переписке с ее председателем, пишущим эти строки, по множеству вопросов, связанных с историей и давностями Крыма: о еврейской синагоге в Старом Крыму и реставрации в этом городе мечети времени хана Узбека, о раскопе найденного в 1900 г. им готского могильника близ Гурзуфа, о задуманных им археологических разведках на Мангупе, о давнем Херсонесе, об устройстве в Крыму областного археологического съезда, о розыске документальных данных, касающихся времени пребывания Пушкина в Крыму, о переводе на русский язык Путешествия по южным областям России Палласа, о Фуллах, об остатках давних сооружений на островке у Казачьей бухты, о раскопках близ Херсонесского маяка и раскопках Лепнера на Мангупе и множестве других вопросов по крымским давностям и старине. Говорю об этом для того, чтобы показать, как разнообразны и многосторонни были интересы и занятия Александра Львовича, связанные с прошлым Крыма. «Давно пора взяться за весь Крым, а не сидеть на одной Керчи с Херсонесом», – писал он мне 5 мая 1919 г.

Между тем систематические и правильные раскопки в Херсонесе в течение 17 лет дали крупные результаты, выразившиеся, главным образом, в открытии городских стен его на большом протяжении. Это обстоятельство поставило в необходимость и Александра Львовича самым внимательным образом отнестись к этому открытию и отозваться на него, что он и сделал в виде обширного, капитального труда «О Херсонесе» [30]. Здесь он еще раз рассмотрел Крестовидный храм вне городских стен Херсонеса и признал его давней намогильной или кладбищенской часовней, подверг строгой проверке Крещальню (баптистерий) у Уваровской базилики, этот исключительной важности памятник, к сожалению, полуразрушенный в недавнее время, и отнес ее к одному времени с базиликой (VII в.), и особенно долго и обстоятельно остановился на крепостной ограде Херсонеса, рассмотрел ее на основе истории военного строительства и выяснил, что начало сооружения этих стен

может быть отнесено ко времени не ранее III в. до н. э., когда сооружена была небольшая нижняя и лучшая часть этих стен, что дальнейшее сооружение стен Херсонеса продолжалось с перерывами не менее трех-четырёх столетий и было закончено к VII в. н. э., т. е. обнимало римское время и раннее средневековье. Вместе с тем Александр Львович еще раз подверг анализу вопрос о Старом и Новом Херсонесе и, опровергнув критику его взглядов на этот вопрос Э. Р. фон Штерна [31], остался верен своему взгляду на существование давнего Херсонеса, Страбоновского, на полуострове у Казачьей бухты, к которому и относились слова Страбона о защите Херсонеса во время Скифской войны и Митридата.

К этому времени относится и ряд небольших работ А. Л. Бертье-Делагарда по давностям Крыма и нумизматике, составление «Примечаний к описанию Черного моря Дортело д'Аскали» и др. [32].

В начале 1914 г. был снова поднят вопрос о созыве археологического съезда в Крыму, и для обеспечения подготовительных работ к нему, особенно раскопок, между прочим, Эски-Кермена, была образована комиссия под председательством Бертье-Делагарда из С. А. Жебелева [33], Р. Х. Лепера [34], Н. М. Печенкина [35] и пишущего эти строки. По вопросу о съезде мне приходилось много говорить с ним в Ялте и писать ему. В этом году и последующие Александр Львович издал весьма ценную статью «Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и в Борисфене» [36] и тогда же вышла в свет его превосходная статья «Как Владимир осаждал Корсунь» [37] и несколько статей по нумизматике [38] и интересная статья для крымоведов «Память о Пушкине в Гурзуфе» [39].

С конца прошлого столетия Александр Львович, кроме частых поездок в Одессу по делам Общества истории и давностей, почти ежегодно ездил за границу месяца на два, отчасти с научными целями, связанными с пополнением его библиотеки, а частью ради здоровья, чтобы в Наугейме подлечивать свое больное сердце, и эти поездки укрепляли его и давали ему силы, бодрость и энергию для продолжения кипучей работы научной и общественной. За границей, в Наугейме захватила его и мировая война. Претерпев много невзгод в пути, вынужденный долгое время прожить в Лубнах, он вернулся домой не с поправленным, а с еще более подорванным здоровьем, которое с этого времени стало быстро ухудшаться, почему и работать становилось ему теперь все труднее и труднее. Сердечные припадки участились.

Осложнение дел с Турцией и налет на Ялту «Гебена» [40] вызвали у него опасения за судьбу своей библиотеки, особенно крымского отдела, а равно и его коллекций. Все это было доставлено для хранения в Симферополь. Александр Львович остался без своих драгоценностей, которые собирал сорок лет. Особенно тяжело ему было без библиотеки, без которой он был «как бы без головы», но в то же время он «чувствовал себя много спокойнее, обезопасив общественное добро», – как писал он 25 окт[ября] 1914 г. Без библиотеки он «всякую работишку приостановил», «совсем одуревал», «тосковал без книг». Угнетала его тогда и отрезанность Крыма от всего мира, «как еще никогда не бывало». В последний год войны вышла в свет ценная статья его «Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве» [41].

Несмотря на захвативший ход военных и политических событий, Александра Львовича и в это время неустанно занимали и разные вопросы по истории Крыма, и в это время он продолжал начатую до войны статью по некоторым недоуменным вопросам средневековья в Тавриде [42], пополнял ее, обращался ко мне за справками. Но события лишали его покоя, он желал смерти, ибо «не видел света, не видел проблеска улучшения», и был «подавлен тяжкими думами» (25 марта и 16 ноября 1915 г.).

В начале 1916 г. Таврическая ученая архивная комиссия вспомнила исполнившееся сорокалетие его научной деятельности, и он очень рад был ее памяти о его «старой работе, всеми позабытой, как и ее автор».

Получив от меня серию фотографических снимков последних мангупских раскопок, Александр Львович так был заинтересован ими, что начал писать статью о Мангупе. «Думая об этих раскопках по фотогр[афическим] снимкам, – писал он, – я едва не плакал, до такой степени мне горько было видеть разгром всего, на что я возлагал так много надежд, и в то же время, по малым намекам, сознавать, что мои ожидания были основательны. Хочу хотя сколько возможно, по свежим следам и своим воспоминаниям и записям пополнить возможное и теперь невозвратно погибшее» (май 1916). По его просьбе я выслал ему несколько десятков его записных книжек из его библиотеки с разными чертежами, вычислениями и пр., но на беду, без всяких указаний, к каким памятникам они относятся, так что в них он один только мог разобраться, для других же они были совершенно непонятны. Таким образом, составила тогда его статья «Каламита и Феодоро (Инкерман и Мангуп)» [43]

Неудачные раскопки на Мангупе очень огорчали Александра Львовича. «Ничто мне не обидно в такой степени, – писал он, – как бессмысленное разграбление этого места. Давно, очень давно мне хотелось самому там поработать, я знал и базилику и дворец, – но недостаток времени, частью и средств, а всего более боязнь своей недостаточной умелости заставляли все откладывать; я надеялся, что эти места столь дики, что о них никто не вспомнит, и они дождутся умелых деятелей. Вот и дождался». (20 апр[еля] 1916 г.).

Работая над статьей о Мангупе и тоскуя без библиотеки, Александр Львович стал думать о возвращении ее в Ялту, долго колебался, но решил вернуть ее. Сначала возвращено было собрание его карт, а с ноября 1916 г. до января 1917 г. происходила отсылка ящиков с книгами.

В это время в Крыму обсуждался вопрос об открытии здесь высшего учебного заведения. Александр Львович был того мнения, что в Крыму особенно необходим высший сельскохозяйственный институт, а не университет, и жертвовал для него несколько сот сочинений по экономике, технике и естественным наукам из своей библиотеки.

Самочувствие его становилось все хуже. Он совершенно не сочувствовал «нашему Дарданелльскому предприятию». «Англичане из своих рук Дарданелл не выпустят, хотя бы того ради, чтобы нам не дать». «В проливах наше зачатое место». «Турок в худшем случае защитят наши союзники, а в действительности исконные враги – Англия и Франция, а мы отрезаны от всего мира и весь наш юг беззащитно предан на поток и разграбление» (письма 14 апр[еля], 25 сент[ября], 30 окт[ября] 1915 г.).

Чтобы отвлечься от тяжелых дум, Александр Львович решил разобрать свои исторические карты и заняться подробным описанием их, но и эта работа не успокоила его; он «стал приходить в отчаяние. Вернулись мы к временам Петра или еще далее». В это время его очень огорчило мое сообщение о намерении владельца имения Сюрень срубить знаменитый дуб, которому было около 1000 лет. «Никогда не думал, – писал он, – что может найтись способный на это человек», и считал эту затею «общественным бедствием». И, действительно, тогда удалось спасти его, но ненадолго. В 1919 г. он был срублен на топливо.

Получив обратно библиотеку, Александр Львович ревностно принялся за исправление и пополнение начатых им статей. Между прочим, увлек его Тмутараканский камень по приобретении статьи о нем

А. А. Спицына [44]. «Сплю и вижу его, – писал он 10 февраля 1917 г. – Перелистываю старое, и блестящий век царицы-немки с ее птенцами, как живой, возникает предо мной, забываемый в тяжко-позорные времена в лучах той славы, которую мы целый век изживали, пока, наконец, не истратили до последней крупички. Эти минуты книжного забвения возрождают меня, – зато потом, как после приема гашиша, мрачная действительность еще чернее». Результатом его работы была большая статья «О Тмутараканском камне» [45].

Вернулся он тогда и к крымскому средневековью, между прочим, к вопросу о Фуллах (письма 14 и 21 дек[абря] 1916 г., и 7 янв[аря] и 7 авг[уста] 1917 г.). Мучила его в это время мысль о положении Одесского общества истории и древностей и Музея древностей, в которые в течение 25 лет он «вложил много труда, забот и средств». Писал он тогда мне о важности перевода на русский язык книги А. Фирковича «Авнэ Зиккарон» [46] (янв[аря] 1917 г.).

Государственный переворот произвел на Александра Львовича потрясающее впечатление. Он его предвидел, был уверен в его неизбежности, но не думал, что он произойдет так скоро. На присланные ему мною книжные новинки, он «набросился с отчаянием голодного. Передо мною так мало времени» (10 февр[аля], 21 мая, 7 авг[уста] 1917 г.). Прося писем, статей, вопросов по древностям Крыма, он писал: «Все ж хоть на некоторое время получил бы долю забвения». Вместе с тем он сообщал, что кончил вторую часть статьи «Недоуменные вопросы средневековья в Крыму» [47], чего он сильно желал: «таким образом кончил последний свой камышек на могилу родного Крыма» (17 авг[уста] 1917 г.).

В это время снова стала сильно беспокоить его судьба его коллекций. Татарскую он даже задумал продать кому-либо, но, благодаря принятым стараниям они не были конфискованы. Я просил его и убеждал привести в порядок и ясность свои заметки по древностям Крыма, чтобы облегчить пользование ими. На это он отвечал 10 окт[ября] 1917 г.: «Вы предлагаете привести в порядок мои старые записи; я и сам много раз к этому порывался... Без меня все это ни к чему. Еще прошлой зимой я брался уплатить этот давний долг, но сил было мало, а теперь нет и мысли». Так эти заметки и чертежи и погибли для науки.

В октябре 1917 года, когда началась новая эпоха в истории России, Александру Львовичу исполнилось 75 лет отроду. Таврическая уче-

ная архивная комиссия посвятила ему по этому поводу № 54-ый своих «Известий» со статьями в честь юбиляра [48]. Не надеясь уже на возможность составления новых статей, он желал только, чтобы были напечатаны хотя бы его «Недоуменные вопросы», и, к большой моей радости, поручил это мне.

Наступил 1918-ый год, особенно бурный в Крыму. В это время Александр Львович серьезно заболел и прислал мне свои «Автобиографические заметки» [49], причем писал: «Делайте с ними, что знаете, но нет там ни слова лжи или похвальбы» (8 февр[аля] 1918 г.). Настроение его было крайне угнетенное, но все-таки он составил в это время и прислал в Таврическую ученую архивную комиссию обстоятельную записку об издании его старых сочинений о Крыме [50]. Сам он в это время принялся при участии своей сестры Софьи Львовны Белявской за перевод Палласа, очень большое и трудное дело, за которым он сидел «с отчаянным усердием, занимаясь по 12 часов в день и более» [51]. Этим переводом и обдумыванием порядка дальнейших переводов сочинений о Крыме авторов средних веков и нового времени, он отвлекался от «ежедневного трепета за судьбу своей библиотеки». Особенно тяжела была для него «мертвая хватка немца», т. е. занятие Крыма немцами, вызвавшее у него снова сердечные припадки (10 июля 1918 г.).

В таком состоянии духа и здоровья Александр Львович окончил перевод Палласа, чему был «несказанно рад». Он просил прислать ему оттиски новых статей, касающихся Крыма, чтобы «снизойти в далекие века». Мучила его мысль о судьбе коллекций, отосланных ему в половине июля, но он медлил на выгодных условиях уступить ее крымскому правительству для задуманного им крымского этнографического музея, и эта операция, несмотря на мои убеждения и настояния, не состоялась, к великому сожалению. «С жадностью, – писал он, – набросился я на свои так долго собираемые и хранимые давности, особенно монеты, которым я обязан лучшими годами своих занятий и по которым я писал, смею думать, стоящие труды, непонятные, забытые и оставленные без внимания, а потому тем более для меня дорогие. Когда-нибудь о том же и так же напишет немец; тогда, может быть, и меня кто-нибудь помянет» (16 июля 1918 г.).

Волновала его и мысль о его библиотеке. Он предполагал отослать свою «Таврику» и все книги по истории, географии и этнографии

в Москву, предназначив их для Исторического музея. Он тогда «с жадностью окупился снова» в присланные мною книги по археологии; «заговорила во мне старая страсть», – писал он. Говоря сочувственно об учреждении курса истории Крыма в открытом тогда Таврическом университете, он высказывал «опасения, чтобы в историю перешла неправда» [52].

В конце 1918 г. еще более усилилось у Александра Львовича беспокойство о судьбе его коллекций. Поступали предложения о покупке их, но с увозом за границу. «Боже мой, как мне этого не хочется... Собираю я все для России, видя в том клочок ее славы... Мне было бы легче утопить все это, но приходится спасать существование – не свое, конечно, а близких, беспомощных». Опасения его, к несчастью, сбылись: коллекции его ушли за границу.

Уходу немцев из Крыма и поражению Германии Александр Львович очень радовался, но общее настроение его было пессимистично. Утешение он находил в переводе истории Крыма Тунманна [53], опять при участии Софьи Львовны. Тяжело повлияла на его здоровье и схваченная в это время инфлюэнца. Довольно часто бывая в это время в Ялте, я видел явный упадок сил у этого еще недавно могучего и полного бодрости и энергии человека. Но работать ему очень хотелось, и летом 1919 г., когда ему стало лучше, он просмотрел две статьи небольшие, бывшие у него в рукописи, «Ореанда» и «Кореиз» и прислал их мне [54], а также составленную им родословную таблицу Крымских ханов Гиреев [55]. В письмах его сообщения о личных и житейских делах чередовались с политическими рассуждениями.

Он очень рад был, получив оттиски своих «Недоуменных вопросов» [56], последнего приношения его родной Тавриде. «Смею думать, отложив в сторону скромность, – писал он, – что там есть кое-что хорошее и могущее остаться в будущем; при случае иногда будут это вспоминать. А впрочем, это дело трудное, и я человек уже очень малозаметный». При этом он указывал на замалчивание и забвение его статьи «Относительная стоимость монетных металлов», «перевернувшей всю европейски признанную нелепицу в этом смысле, и безукоризненной по новости и существу». «Вот и клади душу свою, умом и сердцем в печатные строки» (29 августа 1919 г.).

Почти постоянно уже лежа в постели, в «безгранично подавленном» настроении, он думал о пополнении своей «Таврики», а в лучшие минуты

состояния здоровья выражал надежду писать. Давно он собирал материал по эпохе присоединения Крыма к России, но осуществить своих планов по этому вопросу ему не удалось. Вспоминая об этом, он писал: «Я всегда хотел правды, как бы ни была она горька, того же искал и у других. Эти стремления испортили мне всю жизнь, так что от своих мыслей я не отстал, но никому им подражать не советую» (20 дек[абря] 1919 г.).

В начале 1920 г. у Александра Львовича произошло второе кровоизлияние в мозг. Могучий организм, хотя очень ослабленный, боролся сильно, закупорку сосудов удалось рассосать, он стал чувствовать себя лучше. Но тут произошло третье кровоизлияние, и 14/27 февраля Александр Львович тихо скончался на 77-м году жизни.

Александр Львовичу дана была долгая жизнь, но его обширные исследования, составленные им в самые последние годы жизни при полной ясности и силе ума и бодрости духа, ясно показывают, что он мог бы прожить еще больше, если бы душевное состояние его было лучше. Сократили его жизнь душевные муки.

Ко всему сказанному, я хотел бы прибавить еще несколько слов. Человек большого ума и широкого образования, А. Л. Бертье-Делагард отличался и высокими нравственными качествами: благородством души и каким-то изяществом ее, сказывавшимися и в его словах и поступках, даже в его манерах, в привычках. Привлекали к нему всех и его удивительная простота, скромность, отзывчивость на все серьезное и дельное, стоящее, и в то же время его глубокая вдумчивость, оригинальность, самобытность его взглядов, стремление до тонкости узнать или изучить дело, которое занимало его или волновало. Он долго и внимательно изучал людей, прежде чем стать с ними в близкие отношения, но получить его расположение было великим утешением. Вечно занятой с раннего утра до позднего вечера, он, казалось, часто был как бы душевно одинок. Но истинным праздником для него было посещение его людьми, серьезно причастными к науке и общественности, в особенности его друзьями, которых в прямом смысле было у него немного. Очень мало расходуя на свои личные житейские нужды, он все свои средства вкладывал в свои коллекции, библиотеку и в свой сад, имевший характер акклиматизационного. Сравнительно немного он сберегал для родственников, часть которых была на его попечении при его жизни. Заветною мечтою его было, чтобы и коллекции его и библиотека стали

государственными, т. е. народным достоянием. Но этому не суждено было сбыться: пришлось ему самому перед смертью продать свои коллекции с увозом их за границу. Только библиотека осталась в Крыму. Это лучший памятник жизни и ученой работы Александра Львовича, и утешительно, что в родной и любимой им Тавриде сохранилось вещественное напоминание об одном из лучших сынов ее, выдающемся человеке и гражданине.

А. Маркевич

II ОТКРЫТИЕ В КРЫМУ УНИВЕРСИТЕТА

Открытие в Симферополе в 1918 году высшего учебного заведения – Таврического университета [57] – было громадной важности культурно-общественным событием в жизни Крыма, одним из самых знаменательных в его жизни за последние 150 лет, хотя в значительной степени запоздалым, как и все важные моменты в прошлом России.

Значение и необходимость учреждения в Крыму высшего учебного заведения выяснены были, не говоря о местных общественных органах, целым рядом ученых исследователей его, особенно его природы и естественных богатств, начиная с академиков Зуева, объехавшего Крым в годы его присоединения к России [58], и знаменитого Палласа, глубокого исследователя естественных богатств и природы Крыма [59]. Слабым отражением их мыслей была попытка учреждения в Симферополе ещё в царствование Екатерины медико-хирургического училища с узкой задачей удовлетворения нужд, расположенных в Крыму войск, оставшаяся неосуществленной [60]. Смерть Екатерины, темное и злополучное для Крыма царствование Павла, войны в начале XIX века и другие обстоятельства неблагоприятно отразились на экономической и культурной жизни заброшенного Крыма, хотя научная жизнь в нем постепенно росла, развивалась. Она отразилась в трудах Палласа, Степковского [61], Аглика [62], Бларамберга [63], Фабра [64], Хр. Стевена [65], П. И. Кеппена [66], Боде [67], Вассала [68], Домбровского [69], Шатилова [70], Аркаса Де-Серра [71], Гассгагена [72] и др. Эти труды в связи с особенностями природы и прошлого Крыма вызывали у исследова-

теля давностей его акад[емика] Келера [73] мысль о том, что культурно-общественная обстановка Крыма вполне обеспечивает успех открытия в Крыму постоянной научной базы в виде высшего учебного заведения. Но царствование Николая I не было благоприятно для прогресса научной работы в России, и до Крымской войны идея учреждения в Крыму высшего учебного заведения не имела данных для осуществления.

После Крымской войны, в 60-ые – 70-ые годы, мысль об учреждении в Крыму высшего учебного заведения стала вновь высказываться учеными исследователями Крыма, и в это время, как архиепископ Таврический Иннокентий [74], мечтал об открытии в Крыму духовной академии, профессор К. Ф. Кесслер [75], отличный знаток Крыма, председатель учрежденного в 1883 г. по его мысли Комитета для исследования природы Крыма высказывал мысль о том, что Крым представляет исключительно благоприятную обстановку для открытия в нем высшего учебного заведения, связанного с изучением его природы и естественных богатств. Но министерство просвещения осталось глухим по отношению к этой идее, которой вполне сочувствовал ученый мир.

В конце прошлого столетия подъем торговли, промышленности и общественной жизни Крыма, с одной стороны, и важность разработки производительных сил его, с другой, вызвали вопрос, живо обсуждавшийся в местной прессе в 1895 г., об открытии в Крыму, в частности в Севастополе, политехнического института [76]. Но эта проблема также не была проведена в жизнь. В то же время был возбужден вопрос об открытии в Крыму (В Новом Свете) винодельческой академии [77].

Между тем с прогрессом в Тавриде общественности бурным темпом росло в ней развитие низшего и среднего образования, и в конце прошлого века почти ни одна губерния в России, кроме столичных, не имела такого количества среднеучебных заведений, как Таврическая, число которых дошло в ней до 55, а число оканчивающих в них курс достигало до 1500 чел. в год. Таврическая губ[ерния] стояла в числе первых и по количеству низших школ в ней и по проценту грамотных [78]. В Крыму развивалась местная пресса в виде нескольких органов печати, появился ряд крупных культурных учреждений, каковые: Морская библиотека в Севастополе [79], Институт физических методов лечения [80] там же и др., а в Симферополе действовал ряд научных обществ: общество врачей [81], Таврическая ученая архивная комиссия [82], Крымское общество

естествоиспытателей и любителей природы [83] и т. д. И в то же время отдаленность Тавриды от научных центров затрудняла получение уроженцами ее высшего образования, а получившие его в столицах и других городах часто устраивались там навсегда, за невозможностью найти применение своим знаниям на родине с ее богатой природой и разнообразными культурными потребностями и нуждами.

В таком же положении были в то время и многие другие местности в царской России, и употребляли настойчивые старания об открытии в них высших школ того или другого типа [84]. Особенно усилились эти старания после Японской войны и Первой русской революции, всколыхнувшей всю Россию и ясно показавшей необходимость подъема, усиления в ней народного образования, гарантирующего независимость ее от других стран и народов в экономическом, техническом и вообще культурном отношении.

Сознание этого сильно было и в среде Таврического земства, очень много делавшего для развития народного образования, и неудивительно было поэтому глубокое и единодушное сочувствие земства к докладу гласного С. С. Крыма [85] в чрезвычайном собрании губ[ернского] земства 15 августа 1916 г. о необходимости учреждения в Крыму высшего учебного заведения [86]. В основу этого доклада была положена та верная мысль, что стране необходим труд – производительный, свободный, озаренный светом знания и науки, что только на знании и науке может быть основана и быть прочной независимость и свобода ее, и что физико-географические условия Тавриды, богатства и разнообразия ее природы, счастливые климатические особенности, и развитие многих хозяйственных культур вызывают настоятельную необходимость учреждения в ней высшего учебного заведения, в котором научно было бы поставлено изучение и использование разнообразных и богатых условий природы Тавриды, что имело бы важное значение не только в интересах Тавриды, но и в интересах всей страны. Не определив типа этого заведения, земство постановило немедленно возбудить ходатайство перед правительством об открытии в Таврической губ[ернии] высшей школы естественных наук с отделениями агрономическим и физио-терапевтическим, ассигновать 1 000 100 р. в строительный фонд будущего высшего учебного заведения, передать в распоряжение его богатый естественно-исторический кабинет губ[ернского] земства, образовать при губ[ернской]

земской управе особую комиссию для разработки вопроса о типе будущей высшей школы и просить уездные земства и городские управления губернии о поддержке ходатайства губ[ернского] земства об открытии в Таврической губ[ернии] высшего учебного заведения и оказании ему помощи своими пожертвованиями.

Решение земства было встречено во всех культурных слоях Тавриды с необычайным подъемом и удовлетворением, и обсуждение подробностей вопроса пошло быстрым темпом. Научные учреждения Симферополя особенно горячо отнеслись к мысли об открытии в Тавриде высшего учебного заведения и о его типе, обсуждали этот вопрос в частных собраниях своих и объединенном публичном 25 августа 1916 г. В этом заседании прив[ат]-доц[ент] Московского университета В. С. Муралевич сделал обширный доклад, в котором проводил мысль, что и общегосударственные потребности и местные нужды указывают на необходимость открытия в Крыму высшего учебного заведения технического, прикладного типа, в частности сельскохозяйственной академии или института или политехнического института с естественно-историческим отделением. Доктор А. Я. Гидалевич в своей речи указал на необходимость для Крыма, и в частности Симферополя, учреждения высшего учебного заведения «широкого типа», с естественно-историческим, медицинским, сельскохозяйственным и историко-археологическим отделениями [87]. Прис[яжный] пов[еренный] Лебединский отстаивал открытие в Крыму университета.

31 августа и 12 сентября 1916 г. состоялись заседания комиссии, образованной при губ[ернской] земской управе, в составе представителей губернской и уездных земских управ, Симферопольского городского управления, нескольких профессоров, проживавших в то время в Крыму (Н. И. Кузнецова, Д. Н. Прянишникова, М. И. Каракаша и др.) и представителей научных учреждений и организаций Крыма. Главным вопросом, вызвавшим серьезное и всестороннее обсуждение в этих заседаниях, был вопрос о типе будущего высшего учебного заведения в Тавриде, причем выяснилось, что в виду особых краевых условий практических потребностей и использования естественных особенностей природы Тавриды, он должен отличаться от обычного типа русских университетов и политехникумов и походить на высшее учебное заведение Монпелье, Льежа, Гренобля, т. е. иметь сложный характер. Одни стояли

за политехникум с сельскохозяйственным отделением или уклоном, другие за университет с агрономическим факультетом. Перевес оказался на втором мнении, давшем значительное большинство голосов [88].

Необходимо заметить, что глубокий знаток Крыма А. Л. Бертъе-Делагард в записке, присланной в комиссию за невозможностью, по причине болезни, участвовать в ней лично, настаивал на преимущественном значении для Крыма и всей Таврической губ[ернии] высшего сельскохозяйственного учебного заведения. Склонявшиеся к мысли об учреждении университета, указывали на постепенный порядок открытия в нем факультетов, сначала физико-математического с естественным и сельскохозяйственным отделениями, или особого агрономического факультета, потом историко-филологического, юридического, и медицинского факультета.

На основе трудов этой комиссии была составлена докладная записка об открытии в Крыму высшего учебного заведения, препровожденная тогдашнему попечителю Одесского учебного округа П. Н. Соковнину и направленная им с благоприятным заключением в министерство народного просвещения. На мысль об открытии в Тавриде высшего учебного заведения в высшей степени сочувственно откликнулся ряд русских ученых: академик А. П. Павлов [89], И. П. Павлов [90], В. М. Арнольди [91] и др. Все они приветствовали эту счастливую мысль и высказывали уверенность в том, что осуществление ее приведет к самым светлым результатам.

В начале декабря 1916 г. депутация губ[ернской] земской управы Я. Т. Харченко, членов Государственного Совета С. Б. Скадовского, С. С. Крыма, членов Государственной Думы В. К. Винберга, П. Н. Панкеева представилась министру народного просвещения гр[афу] П. Н. Игнатьеву и лично поддержала ходатайство Таврического губ[ернского] земства об открытии в Таврической губернии высшего учебного заведения. Игнатьев отнесся к этому ходатайству с полным сочувствием, согласился уважить мысли земства, о не совсем обычном, сложном характере предполагаемого к открытию института и сказал, что мысль об учреждении в Тавриде высшего учебного заведения, в частности университета, уже рассматривалась в министерстве, но ранее уже было поставлено на очередь открытие университетов в пяти других пунктах – в северо-восточной, северо-западной, юго-восточной частях Европейской России,

в В[осточной] Сибири и на Кавказе, особенно нуждавшихся в высшей школе, через каждые три года одного за другим, так что Таврическая губерния, в частности Крым, получил бы высшее учебное заведение через 15–18 лет. Но при сложившихся условиях он охотно поддержит мысль об открытии его в Таврической губ[ернии] в кратчайший срок [92].

В виду согласия министра был выработан текст законопроекта, и подписан 30-ью членами Государственного Совета [93], внесен на повестку заседания 17-го декабря 1916 года, но накануне, 16 декабря, сессии Государственного Совета и Государственной Думы были прерваны и, таким образом, этот законопроект не рассматривался в законодательных учреждениях. Первый пункт этого законопроекта гласил: «Таврический институт имеет целью разрабатывать науку, давать высшее научное и научно-техническое образование и содействовать распространению научных и прикладных знаний». На этом пункте особенно настаивал министр Игнатъев. К законопроекту была приложена обстоятельная объяснительная записка, в которой излагалась важность открытия в Таврической губ[ернии] высшего учебного заведения указанного выше характера.

В заседании губернского земского собрания 51-ой очередной сессии 14 января 1917 г. заслушан был доклад С. С. Крыма о ходе дела об открытии в Тавриде высшего учебного заведения, и собрание постановило выразить благодарность министру народного просвещения Игнатъеву за его сочувственное отношение к этому вопросу, а С. С. Крыму за его труды по этому делу, и всесторонне был обсужден вопрос о месте устройства проектируемого университета. Высказанная в это время некоторыми лицами мысль о расположении его в разных городах Крыма была очень слабо поддержана в Крыму, между прочим земством и была совершенно отвергнута. Также не была принята и мысль об учреждении университета в одном из городов северной, материковой части бывшей Таврической губернии в виду неоспоримых преимуществ Крыма. Из крымских городов останавливали внимание два города: Симферополь, как губернский административный пункт края, имевший преимущества и в культурно-общественном отношении, и Керчь в виду особых богатств Крымского полуострова и пожертвования Керченской городской думой 500.000 р. и 250 десятин, а в случае надобности и большего количества земли для нужд университета или политехникума, если

он будет открыт в Керчи. Несмотря на всю ценность этого пожертвования, все земства губернии отдали предпочтение Симферополю. На этом остановился вопрос об открытии в Крыму высшего учебного заведения в царское время.

Февральская революция задержала на время дальнейшее движение вопроса об открытии в Крыму высшего учебного заведения. Общественная мысль была сосредоточена на вопросах политического характера, притом местная, краевая жизнь была затруднена экономическими осложнениями: продовольственным делом, беженцами, жилищными затруднениями и разрухой вообще. Но идея создания в Тавриде, в частности, в Крыму, высшего учебного заведения, не погасала. Губернское земское собрание 4/17 мая 1917 г. постановило довести до сведения министра народного просвещения, что оно считает открытие высшего учебного заведения, именно университета в Таврической губ[ернии] «неотложной государственной необходимостью». Не был только вполне выяснен вопрос о порядке открытия факультетов, но в общем предполагалось открыть их постепенно.

Летом 1917 г. произошло обстоятельство, с одной стороны, облегчившее решение вопроса об открытии университета в Тавриде, с другой, осложнившее самый процесс его осуществления. Группа проживавших в Ялте профессоров пришла к мысли об открытии Таврического университета в Ялте на первое время как филиала Киевского университета, притом в составе первых курсов всех факультетов, в виду особенно благоприятных условий природы и климата южного берега Крыма, предполагавшейся возможности использования для университета бывших удельных зданий в Ливадии и Массандре и сочувствия этой идее ялтинских общественных кругов, главным образом образовавшегося тогда в Ялте общества содействия устройству высших учебных заведений в Крыму [94]. Ввиду же недостатка нужных для всего университета помещений в Ялте указанная группа профессоров предположила распределить некоторые факультеты и отделения их по другим городам Крыма, с тем чтобы центр университета его – правление и совет – находились в Симферополе. Было решено начать чтение лекций в Ялте с весны 1918 года.

28 ноября 1917 г. состоялось, под председательством С. С. Крыма, в Симферополе заседание комиссии при губ[ернской] земской управе

с участием нескольких проживавших в Ялте профессоров, в котором профессор Киевского университета М. В. Довнар-Запольский доложил постановление этого университета о возможности открытия филиала его в Крыму и представил распределение факультетов и отделений их в будущем университете. Оглашены были и телеграммы: ректора Киевского университета о постановлении совета – открыть филиал его в Крыму и председателя комиссии по учреждению филиала проф[ессора] Д. А. Граве о невозможности для делегатов профессорской комиссии выехать из Киева по причине перерыва сообщения.

Мысль инициативной группы профессоров об открытии в Крыму университета в виде филиала Киевского была принята с полным удовлетворением, так как это сразу обеспечивало заполнение кафедр и солидную постановку дела. Но идея распределения частей Крымского университета по разным городам Крыма (Симферополю, Севастополю, Ялте, Керчи, Феодосии и Бахчисараю), а равно учреждения каких-либо факультетов в Ялте сочувствия в этом собрании не вызывала, равно как и в следующем заседании комиссии 17 декабря 1917 г., в котором участвовали и ялтинские профессора. Вместе с тем в этом собрании было постановлено открыть кредит на переезд учреждений, обслуживающих новый университет по получении организационного плана его и сметы, и просить Совет Киевского университета обсудить всесторонне вопрос о правовом положении Крымского университета, и просить земские, городские и правительственные управления сообщить свои соображения о возможности размещения новой высшей школы в Крыму в тех или других городах в зависимости от их средств и других условий [95].

Как и следовало ожидать, распределение частей университета в разных местах Крыма не вызвало никакого сочувствия в самоуправлениях Крыма и было признано нецелесообразным. Между тем коллегия ялтинских профессоров пополнилась несколькими лицами из киевской профессуры, в том числе и Р. И. Гельвигом [96]. Совет этой коллегии признал возможным начать чтение лекций в Ялте на первых курсах физико-математического и медицинского факультетов [97].

10 мая состоялось официальное открытие в Киеве Таврического филиала Киевского университета, а 11 мая 1918 г. произошло в Ялте торжественное открытие указанных курсов. Запись студентов на эти факультеты, производившаяся и в Киеве и в Ялте, дала благоприятные

результаты: число студентов, с одной стороны, тавричан, с другой – киевлян, волынцев и др., превзошло ожидания, и явилось основание думать, что расходы на содержание нового университета в значительной степени окупятся платой за слушание лекций. Но эти расчеты не оправдались, и инициативная группа ялтинских профессоров признала целесообразным, в виду оказавшегося затруднительным материального положения крымского филиала, учреждение при нем специального хозяйственного органа Попечительного совета, который заботился бы о материальном благополучии университета, ведая хозяйственной и экономической его частью. Учреждение этого необычного в жизни высших учебных заведений органа могло быть, конечно, только временным. Оно оказало значительную помощь Крымскому университету на первых порах его существования в период общей разрухи. Но уже в самом учреждении его явно сказались очень проблематичными и оптимистичными надежды ялтинской профессуры на материальное благополучие филиала Киевского университета.

В 1917 г. в Крыму произошли две смены власти. Эпоха временного правительства и губ[ернского] комиссара сменилась управлением демократических общественных деятелей, продолжавшимся до конца 1917 г., а в январе 1918 г. власть перешла к первому Советскому правительству. Уже в конце 1917 г. сообщение с Киевом и Одессой стало очень затруднительным, а с севером почти невозможным. В конце апреля 1918 г. утвердилась в Крыму германская власть с участием татарского курлутая и директории и генералом М. А. Сулькевичем во главе исполнительной власти [98]. Все эти смены власти в значительной степени отразились на движении вопроса о Таврическом университете, но оно все-таки не прерывалось. Таврическое губ[ернское] земство, приняв депутацию ялтинских профессоров и выслушав в заседании 2 июня 1918 г. доклад проф[ессора] Р. И. Гельвига о положении дел в Ялте, вынесло резолюцию: «Первое демократическое губ[ернское] земское собрание, продолжая культурную работу Таврического земства, с чувством глубокого удовлетворения выслушав сообщение об открытии Таврического университета и вполне соглашаясь с основными положениями, выработанными комиссией профессоров, обещает свое полное содействие высокому источнику просвещения и призывает все города, земства и общественные организации губернии к самой широкой поддержке нового универ-

ситета создаваемого по почину земства». Сейчас же после этого началась организация попечительного совета, и выработка положения о нем.

Так как земство и попечительный совет считали нахождение университета в Ялте только временным и совершенно необеспеченным, то сейчас же начались заботы по приисканию и найме помещений для его нужд в Симферополе, причем, прежде всего, было употреблено старание об обеспечении за университетом брошенных зданий б[ывшего] военного госпиталя, а равно приобретения для нужд его имущества закрытых с окончанием войны вызванных ею земских, городских и правительственных учреждений: лазаретов, лабораторий, кабинетов и т. д. Тогда же выяснилось, что казармы в Массандре, на которые рассчитывала инициативная группа профессоров, заняты немцами для их войск, а из зданий в Ливадии предоставлялись немецким командованием для нужд университета незначительное количество. Других же свободных помещений в Ялте не было. Вполне же выразились и затруднения финансового характера, так как вследствие политических обстоятельств, между прочим, отхода материковых уездов Таврических губерний к Украине и неурожаев в Крыму, обещанные земствами университету средства не могли быть отпущены. В то же время выяснилась невозможность учреждения в Ялте медицинского факультета, на что надеялись профессора, и что вообще мысль о средоточии университета в Ялте должна быть оставлена.

В июне, июле и августе месяцах 1918 г. состоялся ряд заседаний попечительного совета совместно с ялтинскими и киевскими профессорами по вопросам о распределении факультетов, о размещении профессоров и студентов, о библиотеке, кабинетах, лабораториях, об открытии факультета восточных языков или турецко-татарского отделения при историко-филологическом факультете, об открытии агрономического факультета и др. Установлено, что университет будет существовать на основании общего Устава университетов в России [99]. В «историческом», как назвал его Р. И. Гельвиг, заседании попечительного совета 11 августа с участием временно и[сполняющего] д[дела] ректора Гельвига, ялтинских профессоров Л. О. Кордыша, Н. Н. Бунге и др., делегации профессоров Киевского университета Г. М. Малкова, С. Е. Кушакевича, К. Э. Добровольского и министра народного просвещения П. Н. Соковнина было решено сосредоточить Таврический университет

в Симферополе. Сначала предполагалось оставить в Ялте естественное отделение физико-математического факультета, но вскоре и это оказалось неосуществимым и вполне оправдалась верность мысли земства и попечительного совета, что и физико-математический факультет, как основная ячейка Крымского университета, должен быть тесно, органически связан со всем университетом и во всех отношениях может быть хорошо устроен в Симферополе. Ялтинские студенты также просили об открытии университета в Симферополе, так как в Ялте они испытывали большие затруднения в виду невозможности найти какой-либо заработок, а также ввиду больших расстояний от города до Ливадии и недостатка в Ялте квартир, учебных пособий и т. д.

В виду всего этого было окончательно решено открыть университет в Симферополе в составе обычных четырех факультетов и пока агрономического отделения при физико-математическом с образованием из него факультета при первой возможности. И в правительственных органах и в профессорских кругах обсуждался вопрос о наименовании университета: Крымским или Таврическим. Больше сочувствия оказалось на втором наименовании, которое и было принято после некоторых возражений со стороны правительства. На заседании попечительного совета 8 сентября было решено назначить открытие Таврического университета 14(1) октября.

Началось приглашение служащих, устройство временных помещений и постоянных квартир для профессоров и студенческих обществ – мужского и женского, приобретение мебели и хозяйственного инвентаря, устройство помещений для канцелярии, аудиторий, кабинетов и т. д., заботы об освобождении профессорских квартир от реквизиций и уплотнения, перевозка учреждений и инвентаря из Ялты и т. д. Вследствие переполнения Симферополя войсками и беженцами, отыскание не только квартир, но и отдельных комнат представляло величайшие затруднения. Город испытывал полный квартирный кризис, который долго тормозил развитие университета и далее замещение кафедр. В то же время быстро шла выработка положения об университете и соответственного законопроекта, составление смет, приглашение профессоров, выработка положения об отношениях Таврического филиала к Киевскому университету, проведение положения об университете через краевую власть и др.

Как указано выше, это была эпоха немецкой власти в Крыму, и в это, особенно печальное время немецкого командования и хозяйничания в Крыму, правильное его обирания, началась жизнь высшего учебного заведения в Крыму.

30 августа 1918 г. Совет министров Крымского правительства утвердил положение о Таврическом университете, представленное П. Н. Соковниным, и постановил: учредить Таврический университет в Симферополе, открыть его действия, как филиала Киевского, отпустить на расходы по устройству и содержанию университета, в виде единовременного пособия, 100.000 р. и предоставить в его распоряжение на все время его существования усадебное место [бывшего] Симферопольского местного лазарета со всеми зданиями на нем и материалами для их ремонта и достройки, на что было отпущено также 100.000 р. [100].

Большое значение имело затем соединенное заседание попечительного совета с профессорами Таврического университета и делегацией Киевского в лице профессоров Д. А. Граве, Н. М. Бубнова, С. М. Богданова и С. А. Егиазарова. Председатель собрания С. С. Крым приветствовал речью киевскую делегацию. Проф[ессор] Граве в ответной речи с сочувствием указал на сотрудничество в организации Таврического университета профессуры и общественности и пожелал, чтобы новая высшая школа всегда была в контакте с жизнью и обществом. Затем был доложен декрет об учреждении Таврического университета и Положение о нем, и выяснена необходимость сосредоточения его целиком в Симферополе. В том же заседании проф[ессор] Егиазаров сделал обширный, обстоятельный доклад о необходимости учреждения в Таврическом университете Восточного факультета, принятый собранием с полным сочувствием. Делегация вполне выяснила отношение к открываемому университету местных общественных учреждений, материальное положение его и т. д. [101].

Наплыв прошений о принятии в Таврический университет превзошел ожидания и вызвал некоторые ограничения в принятии их. В то же время коллегия профессоров быстро пополнялась, причем изъявили согласие перенести свою деятельность в Таврический университет многие видные профессора и доценты старых университетов, между прочим, В. И. Палладин, Н. И. Андрусов, М. А. Тихомандрицкий, А. Н. Деревицкий, Н. И. Кузнецов, Н. М. Крылов, С. И. Метальников, А. А. Байков,

А. И. Елистратов, Б. Д. Греков, А. П. Кадлубовский и др., вошедшие в состав Таврического университета при его учреждении [102]. Киев дал Таврическому университету Р. И. Гельвига, К. Э. Вагнера, А. О. Кордыша, Н. Н. Бунге и др. Ко времени открытия университета свободных кафедр оказалось немного, между прочим потому, что не все желавшие служить в нем могли попасть в Крым, отрезанный в то время со всех сторон. Необходимо заметить, что в состав преподавателей Таврического университета с самого его учреждения вошло несколько местных научных работников, и число их постепенно росло. В общем Крым дал своему университету свыше двадцати преподавателей, не считая лиц медицинской профессии – преподавателей, ординаторов клиник, ассистентов и т. д., которых также было свыше двадцати.

Кроме значительного числа преподавательских сил Крым дал возможность своему университету пользоваться для своих научных интересов и целым рядом культурных учреждений. Таковы: Никитский ботанический сад, Севастопольская морская библиотека, библиотека земской управы, несколько значительных библиотек учебных заведений и частных в Симферополе и других местах, которые вошли в состав библиотеки университета, Естественноисторический музей губ[ернского] земства и целый ряд музеев давностей в Крыму, биологические станции в Севастополе и на Карадаге, Помологический сад в Симферополе, Институт физических методов лечения в Севастополе, Симеизская обсерватория, заповедник у Бабугана и др. Тесно связались с университетом и местные научные организации. Достаточно рассмотреть издания б[ывшей] Таврической ученой архивной комиссии, Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы и Медицинской ассоциации, чтобы увидеть, какое близкое и живое участие принимали в жизни этих учреждений профессора Таврического университета [103].

В Крыму не было таких меценатов, какими были Мешков в Перми, Бурылин в Иваново-Вознесенске и целый ряд их в Москве, не могли города и земства оказать обещанной помощи своему университету. Тут не было их вины, виновато было время, в которое начал свое существование Таврический университет и прежде всего – мировая война, вызвавшая полное оскудение в Крыму и, в частности, в Симферополе, бедном промышленностью и торговлей и крайне пострадавшем в мате-

риальном отношении из-за войны и вызванной ею разрухи. Только напряжение всех сил городского управления, самоотверженная энергия городского головы В. А. Иванова [104] при сочувствии населения города и научных организаций дали возможность Таврическому университету начать свою жизнь, хотя в убогой обстановке, в «холоде и голоде», и физическом и духовном, но со светлыми надеждами на будущее. Ручательством этого был и организационный талант первого ректора университета Р. И. Гельвига, надломившего свои силы в тяжелой работе и отошедшего в то время, когда его ум, такт, его любовь к университету были особенно нужны [105].

Вся большая и подготовительная работа по учреждению Таврического университета продолжалась всего два с половиной года. Этот скорый и благоприятный результат ясно показал, что учреждение в Тавриде университета было вызвано насущною потребностью, почему и встречало энергичную поддержку в ученом мире и сочувствие населения.

Торжество действительного открытия Таврического университета после двух предварительных в Киеве и Ялте прошло с необычайным подъемом. Это торжество, на котором в весьма значительном числе присутствовали рабочие организации и учащая молодежь Симферополя, объединяло все население Крыма и было истинным праздником науки и культуры в их единении с трудом. Среди множества адресов и приветственных речей прекрасна была речь представителя Киевского университета профессора М. М. Дитерихса, который сказал в ней, что учреждая в Тавриде высший рассадник науки и культуры – университет в виде филиала Киевского университета, Киев как бы отплачивает ей за получение от Тавриды просвещения девять с половиной веков тому назад [106].

Семилетняя жизнь Таврического-Крымского университета, преобразованного затем в Крымский педагогический институт [107] с четырьмя отделениями, показала, равно как и жизнь последнего, что надежды общественности и ученого мира, положенные в фундамент его жизни, не были призрачны и ложны, что они не только не ослабели, не уменьшились, но еще более упрочились и усилились. Справедливость этого выразилась в настоящем (1930) году в решении в высшей Советской власти учредить в Симферополе Медико-хирургический институт, взамен закрытого в 1925 г. медицинского факультета при университете [108],

и предположении в ближайшем будущем открыть в этом городе химико-естественный институт с сельскохозяйственным отделением, взамен закрытых агрономического [109] и физико-математического факультетов университета [110].

А. Маркевич

Комментарии

1. А. И. Маркевич неоднократно выступал на заседаниях Таврической ученой архивной комиссии о творческой судьбе А. Л. Бертье-Делагарда. Ему также принадлежит некролог, написанный сразу после смерти Бертье-Делагарда. См.: *А. Маркевич. А. Л. Бертье-Делагард // Южные ведомости*. – Симферополь. – 1920. – 19 февраля (3 марта). – № 40. Републикация. С. Б. Филимонов. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находка историка-источниковеда. – Симферополь, 2010. – С. 330–331.

2. Хранятся в Центральном музее Тавриды (ЦМТ) в Симферополе: «Архив А. Л. Бертье-Делагарда». КП–23051.

3. В «Автобиографических записках» А. Л. Бертье-Делагард писал: «Во время большой революции 1789 года немало французов, выброшенных политическими событиями из своей страны, нашли себе пристанище и мирное житье в гостеприимной России. Все они, порвав связи со своим старым отечеством, в меру сил работали на пользу нового, скоро приживаясь в нем и устраивая семьи». (ЦМТ. – КП–23051. Далее «Автобиографические записки» цитируются по этому оригиналу).

4. Бертье-Делагард Иван Александрович Генрих (1763–1840) – генерал-майор.

5. Ныне город Елгава в Латвии.

6. Шеппинг Дмитрий Оттович (1823–1895) – автор работ по мифологии и этнографии.

7. В «Автобиографических записках» А. Л. Бертье-Делагард писал: «Отец и мать католики, а все их дети от рождения православные, говорили только по-русски и были русскими душой и сердцем; по-французски учились в школах, разбирались в этом языке не все и плоховато; о польском не имели и понятия; да и сама бабушка говорила и писала только по-русски. Глава семейства решительно ни во что семейное не вмешивался; не вынося некоторых русских блюд, например, каши,

и до конца жизни очень плохо изъяснялся по-русски, давая повод для разных потешных недоразумений».

8. Ныне *Делагардова балка* – первое ответвление от Сарандинакиной балки влево от устья.

9. *Travels to the Seat of war in the East in 1829, I, 286.*

10. Вера Ивановна Колодеева из г. Сосницы (ныне Черниговской области).

11. В «Автобиографических записках» А. Л. Бертъе-Делагард писал: «По случайной неосторожности товарища при академических работах лишился глаза и был понуждаем врачами немедленно прекратить совершенно письменную и книжную работы во избежание грозившей слепоты, но не мог исполнить этого за совершенным отсутствием средств к жизни. Предсказание врачей, к счастью, не исполнилось, и я всю свою долгую жизнь провел в самых усиленных занятиях, за книгой. Этот случай повел меня к хмурому и нелюдному одиночеству (остался холостяком)».

12. Мурзакевич Николай Никифорович (1806–1893) – профессор российской истории и статистики, директор Ришельевского лицея в Одессе.

13. См. об этом: *Косарева А. А. Бертъе-Делагард Александр Львович // Севастополь. Энциклопедический справочник. – Севастополь, 2000. – С. 81–82.*

14. Не совсем точная цитата А. Л. Бертъе-Делагарда из его «Автобиографических записок». Правильно: «Как существо всех этих инженерных работ, так и самая родная страна – Таврида, невольно привлекала меня (в первоначальном варианте – «его». – *В. Л.*) к археологическим исследованиям, а Одесское общество истории и давностей, избрав меня (в первоначальном варианте – «его». – *В. Л.*) 26 марта 1880 г. своим действительным членом, прочно поставило на этот путь».

15. В «Автобиографических записках» А. Л. Бертъе-Делагард писал: «Благодаря своей инженерной (в первоначальном варианте – «высокой инженерной». – *В. Л.*) репутации, я был приглашен заведовать большими и сложными работами, стоя во главе строения нескольких портов Черного моря: значительная часть Одесского, весь Ялтинский в два приема, Феодосийский и Ростовский – дела моей (в первоначальном варианте – «его». – *В. Л.*) головы и рук». За свои инженерные работы А. Л. Бертъе-Делагард был отмечен следующими наградами: Орденами Св. Станислава II и III степени; Св. Анны II и III степени; Св. равноапостольного

кн. Владимира IV степени. Более подробно см.: *Колесникова Н. Н.* От составителя [награды и общественная деятельность] // Бертъе-Делагард Александр Львович (1842–1920): библиографический справочник / *сост. Н. Н. Колесникова.* – Симферополь, 2002. – С. 3–6.

16. Более подробно см.: *Столярик Е. С.* Александр Львович Бертъе-Делагард // 150 лет Одесскому обществу истории и давностей, 1839–1889: Тез. докл. юбилейной конференции. – Одесса, 1889. – С. 21–24; *А. А. Непомнящий.* «Патриарх кримведения»: А. Л. Бертъе-Делагард // Подвижники кримведения. – Симферополь, 2006. – С. 111–144. По ходатайству Министерства народного просвещения вице-президент Одесского общества истории и давностей, отставной генерал-майор А. Л. Бертъе-Делагард был представлен к награждению орденом Св. Станислава I степени.

17. В «Автобиографических записках» А. Л. Бертъе-Делагард писал: «За археологические работы я (в первоначальном варианте – «он». – *В. Л.*) был почтен медалями и лестным избранием почетным членом и вице-президентом Одесского общества истории и давностей (в первоначальном варианте – «родному ему Одесского общества». – *В. Л.*)», почетным членом Киевского общества Нестора Лет[описца] и Константинопольского археологического института (правильно: Русский археологический институт в Константинополе. – *В. Л.*), действительным членом Московских Археологического и Нумизматического обществ, Русского археологического общества и других».

18. Этот абзац, нарушающий структуру изложения, А. И. Маркевичем вычеркнут. В «Автобиографических записках» А. Л. Бертъе-Делагард писал: «Японская война, отразившаяся прекращением моей (в первоначальном варианте – «его». – *В. Л.*) инженерной деятельности, была поводом к большим потерям и сокращениям моих (в первоначальном варианте – «его». – *В. Л.*) средств, а с тем и собирательной мании. Эта же война повела к давно тлевшему, но с него ставшему явным и резким распаду русского государства и зачатков его культуры, доведенных следующей войной до совершенного крушения и гибели. Той же участи подвергается и мое достояние (в первоначальном варианте – «Той же участи и подверглось и все достояние А. Л.». – *В. Л.*), собранное долгой жизнью с неустанными и общепольными трудами (в первоначальном варианте – «Имущество А. Л. домовое и земельное без исключения отнято, собрания подлежат расхищению, он сам остается, буквально, без

куска хлеба. Нечто роковое! За гостеприимство деду и его спасение пришлось платить всей трудовой жизнью, всем состоянием платить и гибнуть». – *В. Л.*) С ним также, как и у моего деда-эмигранта (в первоначальном варианте – «у его деда-эмигранта». – *В. Л.*), исчезли (в первоначальном варианте – «исчезают». – *В.Л.*) мои (в первоначальном варианте – «все мои». – *В. Л.*) надежды и чаяния, несмотря на полувековые труды и горячую любовь к родине, большой – России, и малой – Тавриде. У деда при крушении оставалась надежда молодости – новая жизнь, у внука лишь моление старости – о скором конце: Да ниспошлет его Господь: 2 февраля 1918 г. Ялта».

19. А. Л. Бертъе-Делагард являлся почетным мировым судьей по Ялтинскому уезду Таврической губернии с 12 октября 1910 г., гласным Ялтинского уездного земского собрания с 1912 по 1917 гг., членом дорожно-технической комиссии и комиссии для всестороннего вопроса о Ялтинском обществе долгосрочного кредита, сельскохозяйственной комиссии, Ялтинского комитета виноградарства и виноделия, председателем Крымского горного клуба, членом Таврической ученой архивной комиссии, почетным ее членом с 1916 г.

20. С 1888 г. Императорская археологическая комиссия начала проводить систематические исследования Херсонеса. Более подробно см.: Стоянов Р. В. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / научный редактор-составитель А. Е. Мусин. – СПб., 2009. – С. 522–555.

21. Наиболее полный список печатных трудов см.: Библиография печатных трудов А. Л. Бертъе-Делагарда / публ. А. А. Непомнящего // А. Л. Бертъе-Делагард. Избранные труды по истории средневекового Крыма. III. – Симферополь, 2012. – С. 292–300.

22. Об этом саде см. статью С. А. Мокржецкого «Список более редких растений, акклиматизированных на даче А. Л. Бертъе-Делагарда в Ялте» // Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь, 1918, № 54 – С. 370–377).

23. См.: Бертъе-Делагард Александр Львович (1842–1920): [Библиографический указатель] / Крымский республиканский краеведческий музей; сост. Н. Н. Колесникова. – Симферополь, 2002.

24. Основана 6 февраля 1887 г.
25. Напечатана была в «Записках Одесского общества истории и древностей» (Одесса, 1876. – Т. 14, отд. 1. – С. 166–279).
26. Напечатана в № 7 «Известий ТУАК»: [Бларамберг М. О положении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбоном, с картами, планами, надписями и рисунками давних мраморов (*перевод с фр. А. Л. Бертье-Делагарда*) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь. – 1989. – № 7. – С. 56–69].
27. Материалы по археологии России, изд. Археологической Комиссией № 12: [А. Л. Бертье-Делагард. Раскопки Херсонеса // Давности Южной России. Т. 5. / МАР. – СПб., 1893. – № 12. – 64 с.].
28. Гриневиц Константин Эдуардович (1881–1971) – археолог, историк античности, музеевед. В 1920-х годах заведовал Керченским, а затем Херсонесским музеями древностей. Возможно, речь идет о статье К. Э. Гриневица «Стены Херсонеса Таврического I. Подстенный склеп и ворота Херсонеса, открытые в 1899 г.» (Херсонесский сборник. – Севастополь, 1926. – Вып. 1).
29. А. Л. Бертье-Делагард. Надпись времени Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1893. – Т. 16, отд. 1. – С. 45–88.
30. Известия Археологической Комиссии, № 21, 1907: [Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. Крестообразный храм – Крещальня – Крепостная ограда // Известия Императорской Археологической Комиссии. – СПб., 1907. – Вып. 21. – С. 1–207].
31. Штерн фон, Эрнст Романович (Эрнст-Вальфрид) (1859–1924) – историк, археолог. Речь идет о рецензии Э. Р. Штерна «О местоположении давнего Херсонеса», опубликованной в «Записках Императорского Одесского общества истории и древностей» (Одесса, 1910. – Т. 28. – С. 89–131).
32. Записки Одесского общества истории и древностей, Т. XXIV [Описание Черного моря и Татарии составил Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 / пер. Н. Н. Пименова. Предисловие и примечания А. Л. Бертье-Делагарда (с. 91–93; 135–180) // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1902. – Т. 24, отд. 2].

33. Жебелев Сергей Александрович (1867–1941) – историк, филолог-классик, археолог-антиковед, историк археологии, академик АН СССР (1927).

34. Лепер Роман Христианович (Роберт Георг Христиан) (1865–1918) – филолог-классик, археолог, эпиграфик. В 1908–1914 гг. возглавлял раскопки в Херсонесе. В 1912 г. провел археологические исследования на Мангупе. Выйдя в отставку, преподавал в Севастополе, затем в Петербурге.

35. Печенкин Николай Михайлович (1871–1918?) – офицер, археолог-любитель. По заданию Императорской археологической комиссии проводил раскопки в Крыму, начиная с 1901 г.

36. *Напечатана «Нумизмат. Сб.», 1909 г. [А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р. Х. // Нумизматический сборник. – М., 1911. – Т. 1. – С. 1–100].*

37. *Известия Академии наук. Отд. русск. яз. и слов., XIV., 1909. [А. Л. Бертье-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб., 1909. – Т. 14, кн. 1].*

38. Речь идет о статьях А. Л. Бертье-Делагарда: О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами (Одесса, 1911); Дифференты на боспорских царских монетах римского времени (М., 1911); Монетные новости древних городов Тавриды (Одесса, 1912); Материалы для весовых исследований монетных систем давнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды (М., 1912).

39. *Пушкин и его современники. Вып. XVII–XVIII., 1913 г. [А. Л. Бертье-Делагард. Память о Пушкине в Тавриде // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – СПб., 1913. – Вып. 17/18. – С. 77–155].*

40. Германский крейсер, во время первой мировой войны вел операции на Черном море.

41. *Известия Таврической Ученой архивной Комиссии № 51., 1914 [А. Л. Бертье-Делагард. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь. – 1914. – № 51. – С. 153–185].*

42. См.: *А. Л. Бертье-Делагард. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Записки Одесского*

Императорского общества истории и древностей. – Одесса. – 1915. – Т. 32, отд. 1. – С. 229–256; карта.

43. *Напечатана в № 55 «Известия Таврич. ученой архивной Комиссии»*. [А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь. – 1918. – № 55. – С. 1–44].

44. «Тмутараканский камень». *Зап. Отд. Археол. Общ. Т. XI, вып. 1–2*. [Спицын А. Тмутараканский камень // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. – Пг., 1915. – Т. 11].

45. *Известия Таврической Ученой архивной Комиссии, № 55*. [А. Л. Бертье-Делагард. Заметки о Тмутараканском камне // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь. – 1918. – № 55. – С. 45–96].

46. Речь идет об Аврааме (Абраме) Самуиловиче Фирковиче (1786–1874), исследователе истории и культуры караимов, и о его работе «Камень спотыканья» (Евпатория, 1834).

47. *А. Л. Бертье-Делагард*. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде: Родной Тавриде, еще русской, последнее приношение // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь. – 1920. – № 57. – С. 1–35.

48. *Известия Таврической ученой архивной комиссии (1918, № 54) были посвящены А. Л. Бертье-Делагарду: «1842–1917. Александру Львовичу Бертье-Делагарду настоящий выпуск своих известий посвящает Таврическая ученая архивная комиссия»*.

49. *Переданы мною в библиотеку Таврического общества истории, археологии и этнографии*.

50. *См.: Список печатных трудов А. Л. Бертье-Делагарда // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь. – 1918. – № 54. – С. V–VI*.

51. *Напеч. В № 56 Известий ТУАК*. [Хранится в ЦМТ, КП–22971. Д. 8686. Рукопись. Опубликовано в 1999 г. См.: Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / *перев. с нем. А. Л. Бертье-Делагарда, С. Л. Белявской*. – М.: Наука, 1999. См. также замечания к этому изданию *проф. С. Б. Филимонова*, напечатанные в его книге «Из прошлого русской культуры в Крыму» (Симферополь, 2010. – С. 5–6, 8–9)].

52. См. об этом подробнее: А. А. Непомнящий. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. – Симферополь, 2005. – С. 83–88.

53. Тунманн (Тунман) Иоганн Эрих (1746–1778) – шведский историк. Речь идет о его книге «Крымское ханство».

54. *Напечатаны в № 56 Известий Таврической уч. архивной комиссии.* [Опубликованы: А. Л. Бертье-Делагард. Прошлое Кореиза // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь. – 1919. – № 56. – С. 343–344; *Он же.* Справка о прошлом Ореанды // Там же. – С. 198–202.]

55. Таблица родословия Гиреев Крымских, составленная А. Л. Бертье-Делагардом // ЦМТ. – КП–22965. Д. 860. Рукопись.

56. *Напечатаны там же, в № 57.*

57. Торжественно открыт 14 октября 1918 г.

58. Зуев Василий Федорович (1754–1794) – естествоиспытатель, путешественник, адъюнкт по натуральной истории в Академии наук (1799), профессор (1787). Его труд «Выписки из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма (1782 года)» // Месяцеслов на 1983 г. (СПб. – С. 122–177) – стал по существу первым научным сочинением по географии Крыма.

59. Паллас Петр Симон (Pallas Peter Simon, 1741–1811) – естествоиспытатель и путешественник, профессор естественной истории в Академии наук (1767). Автор фундаментальных трудов о Крыме: «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах» (М., 1999) и «Краткое физическое и топографическое описание Таврической области» (СПб., 1795).

60. Более подробно см.: А. И. Маркевич. Проект учреждения в Симферополе медико-хирургического училища // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1918. – С. 378–388.

61. Стемповский Иван Алексеевич (1788–1832) – археолог, нумизмат.

62. Ашик Антон Балтазарович (1801–1854) – археолог.

63. Бларамберг Иван Павлович (1772–1831) – археолог.

64. Фабр Андрей Яковлевич (1789–1863) – администратор, статистик, участник краеведческого движения.

65. Стевен Христиан Христианович (1781–1863) – естествоиспытатель-ботаник, садовод, энтомолог, создатель первого гербария крымской флоры, член-корреспондент АН (1815), почетный член АН (1849).

66. Кеппен Петр Иванович (1793–1863) – естествоиспытатель, археолог, библиограф, статистик, этнограф, крымовед.
67. Боде Иоганн Элерт (1747–1826) – немецкий астроном, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1785).
68. Вассаль – сын Рене Вассаля.
69. Домбровский Франц Мартынович (1820?–1866) – востоковед, участник краеведческого движения.
70. Шатилов Иосиф Николаевич (1824–1889) – исследователь Крыма.
71. Аркас Де-Серра, Феликс (?) – исследователь Крыма.
72. Гассгаген Христиан Генрихович (?) – химик, минералог, профессор Ришельевского лицея, исследователь Крыма.
73. Келер Генрих Карл Эрнст фон, Егор Егорович (1765–1838) – историк, археолог, хранитель коллекции резных камней Эрмитажа, ординарный академик по литературе, греческим и римским древностям (1817).
74. Иннокентий (Борисов) (1800–1857) – архиепископ Таврический.
75. Кесслер Карл Федорович (1815–1881) – зоолог, профессор, член-корреспондент Петербургской АН (1874).
76. *И. Х. О высшем учебном заведении в Севастополе. Кр. Вестн. 1895. № 227 и 278. [И. Х. О высшем учебном заведении в Севастополе // Крымский вестник. – Симферополь, 1895. – № 277–278].*
77. См.: *А. И. Маркевич. Из прошлого крымского виноградарства и виноделия: по архивным материалам // Вестник виноделия Украины. – Одесса, 1927. – С. 1–32.*
78. См.: *А. И. Маркевич. Краткий очерк развития учебных заведений в Симферополе. – Симферополь, 1890; Он же. Главные задачи нашей школы // Таврический церковно-общественный вестник. – Симферополь, 1906. – № 9. – С. 371–381.*
79. Морская библиотека в Севастополе была основана в 1822 г. по инициативе лейтенанта В. И. Мелихова.
80. Институт физических методов был открыт 15 мая 1914 г. в Севастополе, т. к. в начале века город развивался как курорт. Ныне – Научно-исследовательский институт физических методов лечения медицинской климатологии им. И. М. Сеченова в Ялте.
81. *Правильно:* Общество симферопольских врачей, открытое в 1878 г.
82. Основана 6 февраля 1887 г.

83. Официально открыто 20 февраля 1910 г.

84. Более детально см.: Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология / Сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. – М., 2011.

85. Крым (Нейман) Соломон Самуилович (1867–1936) – юрист, агроном; общественный и государственный деятель; депутат I и IV Государственных дум. Один из организаторов создания Таврического университета; возглавлял Крымское краевое правительство (1918–1919). В апреле 1919 г. эвакуировался из Севастополя с французской эскадрой.

86. *Таврич. Губ. Зем. Собр. Чрезвычайная сессия 15 авг. 1916 г. Доклад гласного С. С. Крыма об открытии высшего учебного заведения в Таврической губернии.* [Обсуждении идеи высшей школы в Тавриде местными органами самоуправления / Публикации Л. П. Кравцовой // Крымский архив. – Симферополь, 2000. – № 6. – С. 22–50].

87. Др. мед. А. Я. Гидалевич: К вопросу об открытии высшего учебного заведения в Симферополе. Симф. 1916 г. Бр. Тут же. Заявление его в Симферопольскую городскую управу и ее постановление.

88. *Журнал заседаний Комиссий по вопросу об учреждении в Крыму высшего учебного заведения, 31 августа и 12 сентября 1916 г. Симф. (печ.).* [См. также примечание № 83].

89. Письмо академика А. П. Павлова полностью опубликовано: Журнал заседания Комиссии по вопросу об учреждении в Крыму высшего учебного заведения (12 сентября 1916 года) / Публикация Л. П. Кравцовой. [Письмо академика А. П. Павлова] // Крымский архив. – Симферополь, 2000. – № 6. – С. 27–30.

90. Мнение профессора физиологии И. П. Павлова также полностью опубликовано (Там же. – С. 27.).

91. Мнение профессора Харьковского университета В. М. Арнольди в журналах комиссии не было отражено.

92. Более подробно см.: А. И. Маркевич. Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета // Известия Таврического университета. – Симферополь, 1919. – Кн. 1. – С. 11–42; То же. Крымский архив. – 2000. – № 6. – С. 6–21.

93. Текст полностью опубликован: Крымский архив. – 2000. – № 6. – С. 9–10.

94. *Журналы заседаний Таврич. Губ. Земского собрания чрезвычайной сессии, 5 окт. по 1 ноября 1917 г. Симф., 1918. С. 7–14, 27–29.* [Журнал заседания Таврического губернского земского собрания чрезвычайной сессии (5 октября 1917 года) // Крымский архив. – 2000. – № 6. – С. 32–38].

95. *Журнал заседаний Таврич. Губ. Земского собрания 52 очеред. Сессии с 30 по 7 июня 1918 г. 12, 15, 18–25* [В. В. Лавров, А. В. Ишин. Таврическое филиальное отделение Киевского университета Святого Владимира в Ялте // Крымский архив. – Симферополь. – № 9. – С. 102–110].

96. Гельви́г Роман Иванович (1873–1920) – доктор медицины; первый ректор Таврического университета (1918–1920).

97. См.: В. В. Лавров, А. В. Ишин. Таврическое филиальное отделение Киевского университета Святого Владимира в Ялте // История Таврического университета. – К., 2003. – С. 15–23.

98. Имеется в виду Крымское краевое правительство во главе с генерал-лейтенантом М. А. Сулькевичем (1865–1920), действовавшее с 25 июня по 15 ноября 1918 г.

99. *Вестник Временного Правительства, 1917 г., № 113, 128, 134.*

100. Полностью опубликовано: Крымский архив. – Симферополь, 2003. – № 9. – С. 111–113.

101. Все документы полностью опубликованы: В. В. Лавров, А. В. Ишин. Таврическое филиальное отделение Киевского университета Святого Владимира в Ялте // Крымский архив. – Симферополь, 2003. – № 9. – С. 102–110.

102. См.: Временные штаты и личный состав Таврического университета в 1919 г. / Публикация В. В. Лаврова // Крымский архив. – Симферополь, 2000. – № 6. – С. 51–57.

103. Более подробно см.: Работы В. И. Вернадского по истории наук и высшей школы в Крыму / Публикация В. В. Лаврова // В. И. Вернадский. Крымское наследие. – К., 2012. – С. 51–116.

104. Иванов Василий Алексеевич (1860–1919) – городской голова Симферополя (1909–1919). О нем см.: Л. П. Кравцова. Из истории университета. Архив Симферопольского городского головы В. А. Иванова // Крымский архив. – Симферополь, 2001. – № 7. – С. 323–327.

105. Роман Иванович Гельви́г скончался 2 октября 1920 г. от сыпного тифа.

106. Настоящая статья составлена главным образом на основании материалов архива Крымского педагогического института. См. также: А. Маркевича: а) Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета и б) Открытие Таврического университета в кн. 1 Известий Таврического университета, 1919 г.

107. В 1925 г. Крымский университет был преобразован в Крымский педагогический институт имени М. В. Фрунзе. В 1972 г. вернул статус университета. Ныне – Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (1999).

108. В 1925 г. медицинский факультет, действовавший в составе Таврического (Крымского) университета, был закрыт. Восстановлен как самостоятельный вуз в 1930 г. Ныне – Крымский государственный медицинский университет имени С. И. Георгиевского.

109. Агрономический факультет, действовавший при Таврическом (Крымском) университете прошел много преобразований. В 1925 г. как самостоятельный вуз был закрыт. Восстановлен в 1931 г. Ныне – Южный филиал Национального университета биоресурсов и природопользования Украины «Крымский агротехнологический университет».

110. Взамен закрытых физико-математического и медицинского факультетов в декабре 1925 г. был открыт Крымский научно-исследовательский институт во главе с профессором С. П. Поповым.

Summary

The publication presents the previously unknown articles of a scientist A. I. Markevich researching the cultural past of Crimea, in particular those dedicated to the personality of A. L. Berthier-Delagarde whose scientific and literary work was an important page in the peninsula history. The publication also includes the articles of A. I. Markevich concerning the Tauride National University establishment in Simferopol in 1918. The documents are held in the fund of A. E. Crymsky in the Manuscript Institute of V. I. Vernadsky National Library of Ukraine.

Key words: Crimea Studies, A. I. Markevich, A. L. Berthier-Delagarde, Tauride National University, A. E. Crymsky, Manuscript Institute of V. I. Vernadsky National Library of Ukraine.